

УДК: 94

DOI: 10.25629/НС.2022.09.03

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ НОВОЙ ЭПОХИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О НОВОМ ИССЛЕДОВАНИИ ПО ИСТОРИИ КРУГА А.И. ГЕРЦЕНА

Мироненко С.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. В статье анализируется новая монография о коммуникациях А.И. Герцена и Н.А. Белоголового, врача и публициста умеренной народнической ориентации, в 1860-х гг. Обращается внимание на актуальность данного исследования, поскольку в постсоветской историографии по-прежнему сохраняется недостаточное внимание к проблематике истории революционно-демократического движения в дореволюционной России вообще и в начале эпохи Великих реформ, в частности. Рассмотрение книги производится в соответствии с ее структурой, когда каждая из трех встреч Герцена и Белоголового является своеобразным смысловым узлом, привязанным как к конкретному времени с его общественно-политической спецификой, так и к другим фигурам, прямо или косвенно причастным к коммуникации главных лиц, которым посвящена книга. Делается вывод о том, что специфика каждой из трех встреч была обусловлена текущей ситуацией в России, которая, в свою очередь, непосредственно влияла на восприятие в стране образа Герцена как главного политического эмигранта той эпохи. Подчеркивается, что приводимый в исследовании материал позволяет сделать вывод, что в ходе каждой из трех встреч образ Герцена предстал перед Белоголовым все более и более демифологизированным и очеловеченным.

Ключевые слова: Герцен А.И., Белоголовый Н.А., Боткин С.П., Бакунин М.А., Поджио А.В., газета «Колокол», Вольная русская типография, Великие реформы.

На обложке книги заведующей Домом-музеем А.И. Герцена, являющегося отделом Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля, И.А. Желваковой помещены два портрета. Один – легкоузнаваемый – А.И. Герцена. Другой же, известный гораздо меньшему кругу преимущественно специалистов, – это врач, а впоследствии публицист и писатель умеренной народнической ориентации Н.А. Белоголовый. Название книги – «Короткие встречи и дружба на долгие годы» – вкуче с обоими портретами на обложке предполагает в качестве основной канвы повествования контакты Белоголового и Герцена. Так оно и есть на самом деле. Композиционно монография строится вокруг трех встреч обеих фигур, состоявшихся соответственно в 1861, 1865 и 1868 гг. Однако эти встречи – лишь часть сравнительно небольшой, но вместе с тем необычайно емкой в информационном отношении книги. Помимо Герцена и Белоголового, автор подробно пишет и о людях, окружавших главных персон своей работы. Среди них, путь и фрагментарно, соратник Герцена Н.П. Огарев, причастная к обоим издателям «Колокола» и «Полярной звезды» Н.А. Тучкова-Огарева, братья Боткины – близкий к Белоголовому врач Сергей Петрович и участник кружка западников Василий Петрович, – бывший декабрист А.В. Поджио, М.А. Бакунин – причем в несколько необычном для себя обличье иступленного защитника перед Искандером крупного чиновника, генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского, властители умов читающей публики Н.А. Некрасов и И.С. Тургенев, а также другие фигуры 1850–1860-х гг., отметившиеся на ниве обозначения смыслов наступившей в 1855 г. новой эпохи в истории России.

Поэтому с полным правом труд И.А. Желваковой можно обозначить не только как растянувшийся на несколько лет и сосредоточенный в трех встречах диалог Белоголового и Герцена, но и как своего рода полилог на интеллектуальных перекрестках времени Великих ре-

форм лиц, которых можно в той или иной степени отнести к кругу Герцена, а значит – придерживавшихся демократических (разной степени радикальности) и либеральных (но при этом также неоднородных) взглядов.

К сожалению, в отечественной исторической науке, несмотря на произошедшие за постсоветское время глубинные и фундаментальные переоценки многих проблем дореволюционного времени, до сих пор налицо либо невнимание ко всему тому, что связано с революционной традицией, либо неоправданно осторожное затрагивание касающихся ее тем и персоналий. С конца 1980-х гг. и до настоящего времени написана совершенно новая и взвешенная портретная галерея многих представителей династии – как монархов, так и видных членов их семей. Трудami значительного числа историков читателю открылся сложный и неоднозначный мир одного из главных детищ Петра Великого – российской бюрократии, которую сегодня никто уже не называет косной, «буржуазно-помещичьей» и абсолютно лоялистской престолу. Не спадают научный интерес к переосмыслению феномена российского консерватизма – как умозрительно-отвлеченного, так и политически структурированного, – выходят все новые работы, в которых убедительно доказывается, что взгляды самодержавной власти и консерваторов далеко не всегда и не во всем совпадали. Предстает совершенно иная, отличная от рисовавшейся советской историографией картина положения дел в либеральном лагере: сегодняшние оценки далеки от упрощенного взгляда на оппозиционеров этого толка как на остерегавшихся одновременно левых радикалов и властей, а потому неуверенных в себе и отважившихся на решительные шаги разве что начиная с военных неудач 1915 г. Но вот в отношении революционеров по-прежнему остаются живучими оценки, сформированные в конце 1980-х – начале 1990-х гг. – то есть уже не марксистские, но еще во многом упрощенные. И если переосмысление левого движения в начале XX в., а тем более в период после реформ 1905–1906 гг. все же происходит, то об их предтечах XIX в. пишут заметно меньше. И опять-таки если радикалы в последнее время регулярно попадают в фокус внимания ученых – их изучают и с точки зрения истории повседневности, и в контексте иных социокультурных подходов, – то о том, что происходило в кругах более умеренных деятелей мы по-прежнему читаем в основном в старых работах.

Можно предложить разные объяснения подобной историографической ситуации. Например, назвать кажущуюся исчерпанность темы после издания советских академических источниковых подборок (скажем, того же Герцена). Или обозначить определенную конъюнктуру – все еще сохраняющуюся после перемен начала 1990-х гг. настороженность к истории левого движения. Но в данном случае важно другое – книга И.А. Желваковой представляет собой действительно долгожданный новый, свежий взгляд на круг революционных демократов в начале пореформенной эпохи. Этот взгляд неизбежно должен привлечь внимание историков.

На фоне авторской задумки – по-новому показать круг Герцена – представляются не столь принципиальными и определенные недоработки исследовательницы. Среди них можно назвать, например, не совсем академический характер монографии – не слишком внушительный аппарат или отсутствие источниковедческого и историографических обзоров. Другой недочет сводится к тому, что при описании той роли, которую сыграли в воспитании и становлении личности Белоголового проживавшие в сибирской ссылке декабристы – упоминавшийся Поджио, а также А.П. Юшневский и братья Борисовы, А.З. Муравьев и А.И. Якубович, – следовало бы основательнее задействовать колоссальный пласт мемуарной литературы об участниках восстания на Сенатской площади после 1825 г., чтобы реконструировать ту особую интеллектуально-нравственную среду, которую они создали в этих отдаленных от обеих столиц местах в эпоху Николая I. Тем более что сама И.А. Желвакова делает меткое замечание, что влияние декабристов на «сибирскую провинциальную среду» способствовало заполнению «лакун истинного просвещения и широкой культуры» [1, с. 24].

Однако указанные и иные замечания – естественные в отношении любого исторического исследования – несколько не умаляют сделанного автором, особенно главной сильной стороны книги, заключающейся в превращении канонизированных и упрощенных образов из статьи «Памяти Герцена» в живых и сложных по своим мотивациям и поступкам людей. Подобное

очеловечивание известных фигур, представление их ошибок и иных проявлений, свойственных творческим и неординарным натурам, но неудобных в качестве характеристик персон для почитания, собрано в трех узлах книги, привязанных к трем встречам Белоголового и Герцена.

Поводом к их первой встрече стала прогремевшая на весь Иркутск и даже отозвавшаяся эхом в герценовском «Колоколе» состоявшаяся в этом городе в 1859 г. дуэль между чиновником Главного управления Восточной Сибири Ф.А. Беклемишевым и коллежским асессором М.С. Неклюдовым, в результате которой последний был убит. Белоголовый после окончания в 1855 г. медицинского факультета Московского университета жил и работал врачом в Иркутске и знал подноготную этой истории. Выходец из сановной семьи Беклемишев, пользуясь расположением генерал-губернатора Муравьева-Амурского, вел себя в иркутском свете вызывающим образом. Ему не понравился державшийся независимо и не заискивавший перед ним Неклюдов, что привело к их стычке, а затем и к дуэли, которая, судя по всему, стараниями поделщиков Беклемишева была проведена с вопиющими нарушениями и явилась фактически организованным убийством. Иркутское общество было возмущено случившимся и требовало расследования нечестной дуэли и наказания Беклемишева. Муравьев-Амурский, по словам И.А. Желваковой, в этом настрое местного общества «увидел прежде всего враждебное отношение к себе» [1, с. 44], что сильно задело его – столь много сделавшего для присоединения к России новых земель на Дальнем Востоке. К тому же генерал-губернатор прекрасно знал о «враждебном отношении петербургских властей» к нему из-за посылавшихся им «бесконечных реформаторских письмах-проектов наверх» [1, с. 45]. Муравьев-Амурский не оставался равнодушным и к выпадам против него герценовского «Колокола», напечатавшего анонимный материал о дуэли, принадлежавший перу Белоголового и содержащий критику установленных генерал-губернатором порядков.

И.А. Желвакова не говорит об этом прямо, но из представленного в книге материала следует, что генерал-губернатор организовал отправку в «Колокол» ряда писем своих сторонников, среди которых оказался и переселившийся в Иркутск из томской ссылки М.А. Бакунин. Этому способствовал приходившийся ему родственником Муравьев-Амурский. Будущий теоретик анархизма вступил в заочную полемику с Белоголовым на страницах «Колокола», не столько представляя иную картину злосчастной дуэли, сколько выгораживая генерал-губернатора. Герцен, стремившийся выглядеть объективным и к тому же знавший Бакунина, в отличие от его оппонента – анонимного критика Муравьева-Амурского, естественно, изложил в «Колоколе» и иную версию иркутской дуэли, противоположную той, которую дал Белоголовый. Это и побудило последнего отправиться летом 1861 г. в Париж, чтобы встретиться там с Герценом, раскрыть ему глаза на подлинные обстоятельства иркутской дуэли и «угворить» его напечатать в «Колоколе» «ответ» Белоголового «муравьевцам» и Бакунину [1, с. 64].

Таким образом сложилась парадоксальная ситуация: высокий чиновник заботится о своем реноме в эмигрантском издании, оппозиционном самодержавию, и организует посылку в него материалов, выставляющих его в благоприятном виде. И одним из авторов подобных панегириков становится – пусть и не без чувства долга перед своим благодетелем – сам Бакунин.

Безусловно, данный факт не является открытием. Исследовательница опирается на хорошо известные источники. Однако привнесение этого сюжета в сложившееся к сегодняшнему дню понимание эпохи кануна Великих реформ наглядно показывает, по крайней мере, как далеко во все сферы общества зашел запрос на перемены, как явственно обозначилась готовность прежде непримиримых противников если и не к сотрудничеству, то, во всяком случае, к определенному использованию друг друга – пусть и в собственных интересах, а не в альтруистических и бескорыстных замыслах.

То, как освещалась в «Колоколе» иркутская дуэльная история – как бы беспристрастно, с разных позиций, с претензией на непредвзятость издателей, – позволяет сделать еще один чрезвычайно важный вывод. И.А. Желвакова приводит цитату из «Былого и дум», в которой Герцен дает характеристику Бакунину и, в частности, замечает, что «недостатки его были мелки, а сильные качества – крупны» [1, с. 61]. Примечателен ответ, который Герцен дал Белоголовому во время их первой встречи в Париже, когда гость из России, казалось бы, убедил

собеседника в своей правоте. «Я верю совершенно, что правда на вашей стороне, а не на стороне ваших противников», – сказал Герцен Белоголовому, однако потом добавил: «Правда – мне мать, но и Бакунин – мне Бакунин» [1, с. 69–70].

Миссия Белоголового не увенчалась успехом: через несколько месяцев после его поездки в Париж в «Колоколе» была подведена черта под полемикой об иркутской дуэли и «выявилась окончательно двойственная позиция» издателя этого органа: Герцен апеллировал к «обязательному назначению свободной печати – освещению фактов с разных сторон» [1, с. 77]. То есть он руководствовался в данном деле установкой, прямо противоположной известной максиме «Платон мне друг, но истина дороже».

Представляется, что субъективизм Герцена в отношении Бакунина даже поле убедительных разоблачений Белоголового – это проявление черты, присущей в принципе российским политическим радикалам, от более или менее умеренных до самых крайних, с рассматриваемой эпохи и до падения самодержавия. Такой субъективизм часто оказывался гораздо сильнее догматики, несмотря, казалось бы, на испуганную приверженность революционеров к доктринальным установкам. Балансирование между догматизмом и субъективизмом и выбор, как правило, последнего в той или иной неординарной ситуации – вот родовая черта левых сил в России, отмечающаяся в том числе и в литературной классике от Достоевского и до Горького. Примечательно, что И.А. Желвакова навела фокусировку на этот сюжет, который многое объясняет и в этосе революционеров, и в поведенческих установках самого Герцена.

Следующая встреча Белоголового и Герцена состоялась через четыре года в Женеве. Несмотря на столь краткий срок, который отделял ее от их первого общения, настроения в России заметно изменились. Произошло это по нескольким причинам, среди которых и начало осуществления трех основных Великих реформ, и отворачивание русского общества от Герцена из-за его позиции по польскому восстанию 1863 г., и возникновение в России и в русском зарубежье специфической среды молодых радикалов, жаждавших действия, на фоне которых Герцен смотрелся чуть ли не умеренным либералом. Эта вторая встреча Белоголового с Герценом произошла, в отличие от первой встречи, можно сказать, случайно и непредвиденно. Белоголовый, будучи в Европе, заехал в Женеву навестить находившегося там его наставника и друга детства Поджио. От бывшего декабриста он узнал, что здесь же в тот момент проживал и Герцен, и решил навестить этого своего «невольного оппонента в деле иркутской дуэли» [1, с. 103].

Встреча состоялась. По оценке Белоголового, перед ним предстал совсем другой Герцен. Перемены, произошедшие в России с его образом и отмеченные выше, прямо сказались на содержании их разговора. Герцен сетовал на «реакционное настроение не правительства, а именно общества», на «охлаждение» «русской публики» к ее бывшему кумиру, на падение популярности «Колокола» в России и заявил о своем намерении прекратить издание его русской версии и начать выпускать газету на французском языке – «к суду европейского общества» [1, с. 107].

Пессимизм Искандера объяснялся не только складывавшейся вокруг его имени идейно-политической конъюнктурой, но и банальными материальными проблемами. Он пожаловался Белоголовому на утрату значительных средств, вложенных в свое время в американские ценные бумаги, которые он после начала войны Севера и Юга продал по рекомендации консультировавшего его известного банкира Джеймса Ротшильда. Этот факт также хорошо известен: о своих отношениях с Ротшильдом Герцен поведал в «Былом и думах». Любопытно другое: если в самом начале своей жизни в эмиграции Герцен, ставший очевидцем событий 1848 г. в Париже, был преисполнен антибуржуазного пафоса, то менее чем через полтора десятилетия он сам во многом превратился в буржуа, занимавшегося банковскими операциями с ценными бумагами. Можно, конечно, объяснить это вынужденными мерами, необходимостью содержать Вольную русскую типографию, а значит – жить по правилам окружавшего его мира. Однако приведенные в книге жалобы Герцена Белоголовому рисуют вовсе не прагматика, раздосадованного не столько самой по себе ошибочной банковской операцией, а тем, что потерянные деньги не будут пущены на дело пропаганды, но именно проигравшего буржуа, пусть и

не совсем меркантильно мотивированного и восхищавшегося «здоровой и органически развитой» Америкой [1, с. 110].

Впечатлил Белоголового и пессимистический настрой Герцена по поводу собственного вынужденного проживания в изгнании. Он сравнивал эмиграцию с «глупым, беспочвенным прозябанием», утверждал, что нет «на свете положения более жалкого, более бесцельного, чем положение русского эмигранта», что он предпочел бы «сибирскую каторгу» «теперешней скитальческой жизни» [1, с. 112]. Обращает на себя внимание комментарий И.А. Желваковой. По утверждению исследовательницы, Герцен всегда относился к эмиграции как к единственной возможности сохранять «вольную речь во имя свободного отечества», и готовность предпочесть «скитальческой жизни» «сибирскую каторгу» «не подтверждается другими дошедшими до нас высказываниями и текстами» собеседника Белоголового, но объясняется недавно произошедшей семейной трагедией – смертью детей Алексея и Елены, а также неурядицами с «Колоколом» [1, с. 113].

Третья встреча Белоголового и Герцена произошла через три года в Париже, и она в корне отличалась от общения в 1861 и 1865 гг. Во-первых, в ней, помимо Белоголового и Герцена, принимали участие С.П. Боткин с женой. Во-вторых, к этому моменту у Герцена уже был диагностирован диабет, С.П. Боткин давал ему рекомендации по надлежавшему при таком заболевании образу жизни. Поэтому на протяжении нескольких дней, в течение которых Белоголовый виделся с Герценом, разговоры так или иначе вращались преимущественно вокруг диеты, которую отныне ему надлежало соблюдать. Герцен водил своих гостей в рестораны, блистал своими гастрономическими познаниями французской кухни, читал несколько фривольные по своему содержанию фрагменты «Былого и дум» о парижской жизни. По инициативе Герцена все вчетвером побывали и в театре.

В один из тех дней состоялась и встреча Герцена с находившимся в Париже В.П. Боткиным: Искандер холодно принял своего бывшего товарища по кружку западников, который к концу 1860-х гг., по словам исследовательницы, «двинулся к реакционерам, мало что оставив от прежних упований идеалистической юности» [1, с. 138]. Белоголовому запомнилась герценовская «убийственная филиппика» [1, с. 140] в адрес К.Д. Кавелина из-за упований последнего на реформаторскую роль дворянства. Здесь же И.А. Желвакова говорит и о «четверти века дружеского и творческого противоборства» Герцена с Тургеневым, о неприглядной роли гражданской жены Некрасова А.Я. Панаевой в деле управления деньгами первой жены Огарева Марии Львовны, что, впрочем, не мешало знаменитому эмигранту ценить самого Некрасова как «поэта весьма примечательного своей демократической и социалистической ненавистью» [1, с. 144, 147, 152].

Получается, что с каждой новой встречей ключевых фигур книги Герцен предстает перед своим почитателем все больше и больше как человек с ошибками и слабостями, но не как мифологизированный образ безупречного непримиримого борца с царизмом – каким он виделся читателям «Колокола» в России. Сложно сказать, насколько преднамеренно И.А. Желвакова прочертила именно такую линию в восприятии Белоголовым своего кумира. Но в любом случае именно в этом очеловечивании образа Герцена, в насыщении сложного для него периода 1860-х гг. многочисленными деталями и подробностями из его частной жизни, вкусов и пристрастий, ненависти и расположенности к другим и заключается несомненный успех исследования.

Библиография

1. Желвакова И.А. Короткие встречи и дружба на долгие годы. М.: Знак, 2021. 168 с.

**AT THE CROSSROADS OF A NEW EPOCH. REFLECTIONS ON THE NEW STUDY
OF THE HISTORY OF A.I. HERZEN'S CIRCLE**

Mironenko S.V.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article analyzes a new monograph on the communication between A.I. Herzen and N.A. Belogolovyi in the 1860s. Belogolovyi was a doctor and a political and social journalist as well as a moderate narodnik. The article highlights the relevance of the study in question as in the post-Soviet historiography the problems of the revolutionary-democratic movement's history have been overlooked both in pre-revolutionary Russia and the period of the Great Reforms in particular. The book is examined in accordance with its structure. Each of the three meetings between Herzen and Belogolovyi was meaningful. They were connected both to a particular time with its socio-political specifics, and to other figures directly or indirectly involved in the communication of the main figures of the book. It's concluded that each of the three meetings was determined by the current situation in Russia, which, in turn, directly influenced the perception of Herzen in the country as the main political emigrant of that epoch. The article argues that the material presented in the book allows to conclude that over the course of the meetings, the image of Herzen was changing. As a result, Belogolovyi could see him in a demythologized and humanized way.

Key words: Herzen A.I., Belogolovyi N.A., Botkin S.P., Bakunin M.A., Poggio A.V., newspaper *Kolokol*, Free Russian Press, Great Reforms.